

Мара Борон

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Давай
просто
пересним!

СЕРИЯ «ПРАВИЛА ГОЛЛИВУДА»

18+

Мара Ворон

Давай просто переспим!

«Автор»

2026

Ворон М.

Давай просто переспим! / М. Ворон — «Автор», 2026

Семь лет они были лучшими друзьями. Потом решили переспать. Теперь просто друзьями быть уже не получается, а заводить отношения слишком опасно. Осталось понять одно: была ли та ночь ошибкой или началом чего-то большего?

© Ворон М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мара Ворон

Давай просто переспим!

Глава

ДАВАЙ ПРОСТО ПЕРЕСПИМ!

Глава 1. Практика

1

– А по-моему, это отличная идея, – Мия стукнула краем пустого бокала о горлышко бутылки и выразительно посмотрела на Алекса.

– Что? А, прости.

Он послушно долил ей вина.

Последние минут пять Алекс Рид слушал разговор примерно с тем же вниманием, с каким обычно выслушивал десятый вопрос на пресс-конференции: вовремя улыбался, кивал и надеялся, что никто не заметит, что мыслями он давно не здесь.

День выдался длинным. Утром Анри Лоран, его отчим и по совместительству агент, сообщил, что Алекс получил роль в новом фильме о Дэниеле Роу.

Ради этой роли Алекс тайком брал уроки вокала и даже кое-как освоил на рояле две мелодии. Последние полгода за проектом охотилась едва ли не вся мужская половина Голливуда, и еще совсем недавно Алекс был уверен, что уж ему-то здесь ничего не светит.

Дэниел Роу умер одиннадцать лет назад и с тех пор успел окончательно превратиться из человека в культурное явление. Его песни знали даже те, кто родился после распада последней группы; две баллады получили «Оскар», одиннадцать альбомов – «Грэмми», а три поколения женщин были уверены, что он пел о них.

Личную жизнь Роу изучали едва ли не внимательнее музыки. Пять официальных жен, несколько почти официальных невест и столько романов, что биографы расходились в подсчетах на десятки. При этом сам Дэниел меньше всего походил на классического покорителя женских сердец: худой, сутуловатый, носатый, вечно в очках, он даже в молодости напоминал преподавателя литературы, который по ошибке забрел за кулисы. И все же женщины от него просто теряли голову.

Именно это Алекса и зацепило.

В свои двадцать девять Алекс выглядел почти полной противоположностью Роу: высокий, темноволосый, сероглазый, с широкими плечами и лицом, которое камера любила даже больше, чем следовало. На экране он казался спокойнее и старше; стоило улыбнуться — и вся его серьезность пропадала. Улыбка поднимала правый уголок рта выше, а на щеке появлялась ямочка. Гримеры воевали с прядью, вечно падавшей ему на лоб, фотографии — с привычкой сутулиться между дублями. Режиссеру Роланду Куперу как раз нравилось это несоответствие: с Алексом зрителю ничего не надо было объяснять.

Со съемочной площадкой Алекс познакомился раньше, чем с нормальной школой. В шесть лет мать начала возить его на кастинги; никакой актерской династии за спиной не было, семья просто постепенно перестроила жизнь под Алексовы съемки. Постепенно то, что поначалу казалось авантюрой, стало профессией. К двадцати девяти Алекс успел пережить детскую известность и не исчезнуть после нее. Четыре года назад он открыл собственную продюсерскую компанию, Reed Pictures. Он любил свою работу. Иногда даже больше, чем стоило бы.

За двадцать с лишним лет в кино Алекс привык заранее все планировать и проверять: время вызова на смену, контракт, вопросы на интервью. Это касалось и границы между работой

и личной жизнью. Чем меньше сюрпризов, тем лучше, в этом Алекс был уверен. Если что-то можно было предупредить и предотвратить, он это делал. Всегда.

Первый байопик о Дэниеле Роу пытались запустить еще при его жизни, потом еще несколько раз после смерти, но его семья каждый раз закрывала архивы. Теперь наследники наконец договорились со студией, но выдали явно не все. А может студия отобрала лишь то, что делало из Дэниела Роу легенду и памятник, а не обычного человека.

Роланд Купер, известный немислимыми кассовыми сборами и такой же прямоотой, на первой же встрече сказал Алексу:

– Мне не нужен актер, который умеет изображать бабника. Через десять минут фильма зритель должен понять, почему нормальная взрослая баба готова похерить ради этого человека всю свою жизнь.

И вот его выбрали.

К обеду новость разошлась по агентствам и профессиональным чатам. К трем успели позвонить два журналиста, режиссер, с которым Алекс когда-то работал, и мать, Клэр. А ближе к вечеру его коллега и старинная подруга Мия Брукс прислала сообщение: «Мы с Никки пьем в баре. Здесь скучно и музыка говно. Немедленно приезжай, мы будем тебя поздравлять».

Пришлось ехать.

Мию Брукс он знал, кажется, с первого дня своих первых съемок: они вместе снимались в рекламе цветных карандашей, которые легко отмыть даже обычной водой (мамы их обо-жали!). Алекс попал в кино ребенком почти случайно, Мия родилась на съемочной площадке. Буквально: у ее знаменитой мамы отошли воды прямо во время последнего дубля финальной сцены фильма, который, к слову, принес ей «Оскар». Бабушка Мии была легендой Голливуда, дед – продюсером, отец – режиссером. Ее крестной была английская принцесса, отчимом – популярный телеведущий. Так что в кино она вошла по красной дорожке и под аплодисменты всего Голливуда. От нее ждали ролей в серьезном кино, но Мия снималась в основном в комедиях. Впрочем, успешно: ее уже дважды номинировали на «Эмми». По праву старинной зна-комой Мия считала своим долгом вмешиваться в жизнь Алекса при каждом удобном случае.

Мия была высокой блондинкой с яркими голубыми глазами и лицом, которое в кадре одинаково легко становилось то ангельским, то злобно-ехидным. В обычной жизни она соби-рала волосы в конский хвост, носила очки и слишком большие серьги и двигалась с уверенно-стью человека, с детства привыкшего к чужим взглядам.

С Никки Хейз все было сложнее. Они познакомились семь лет назад на съемках довольно посредственного фильма. Алексу тогда только что исполнилось двадцать два, и он уже почти не помнил жизни без съемочных площадок. Никки – двадцать, и это была ее первая большая роль. В Лос-Анджелес она приехала без связей и денег, успела поработать официанткой и вдоволь насидеться на кастингах, где ее имя забывали раньше, чем она выходила из комнаты. Поэтому к съемкам Никки относилась всерьез: ей никто не обещал второго шанса.

Фильм неожиданно выстрелил — во многом благодаря экранной химии между Алексом и Никки. Для нее картина стала тем самым прорывом, после которого «девушка из той комедии, как ее там» за несколько месяцев превратилась в Никки Хейз, восходящую звезду Голливуда. Дома ее актерскую карьеру долго считали затянувшейся авантюрой, но Никки не жаловалась. В последний год к съемкам прибавилась еще платформа для молодых дизайнеров, которой она занималась между дублями, перелетами и всем остальным. По мнению Алекса, нормальный человек на ее месте давно нанял бы еще троих. По мнению Никки, нормальный человек просто недостаточно старается.

Ну конечно, им тут же приписали роман. Но никакого романа у них не было: они всегда были просто друзьями. Сейчас они снова работали вместе: третий месяц снимали сериал в Лос-Анджелесе, и впереди оставалось еще почти два.

В общем, Алекс совершенно не понимал, с чего Никки и Мия сегодня празднуют его новую роль так, будто завтра никому не надо вставать на площадку в половине шестого утра.

Поздравляли его долго. Потом все трое поехали в другой бар. Потом – в еще один. В какой-то момент Алекс возмутился, что его используют как бесплатного водителя. Никки и Мия торжественно пообещали исправиться – и тут же потребовали, чтобы он вез их к себе домой.

Так все трое и оказались у Алекса в гостиной с прихваченным по дороге с ящиком вина и несколькими бутылками виски из его обширной коллекции.

Гостиную, как, впрочем, и весь дом, Алекс обставлял сам – дизайнеров он нанимать не хотел, а от помощи матери, у которой руки чесались обустроить его холостяцкую нору, ему в итоге удалось отбиться. Два низких дивана стояли друг напротив друга по обе стороны широкого журнального стола, у окна темнел рояль с раскрытыми нотами песен Роу, на подлокотнике кресла валялся сценарий сериала, который Алекс уже третий день собирался убрать. В стеклянной двери, выходящей на задний двор и бассейн, отражались лампы. В комнате пахло вином, цветами из сада и духами, принесенными из трех разных баров.

Мия заняла один диван почти целиком, Никки устроилась на другом, а Алекс таскал из кухни бутылки и лед, будто его наняли официантом в собственный дом.

– Ты о чем вообще, Ми? – спросил Алекс.

Мия сделала большой глоток вина и переглянулась с Никки.

– Тебе нужна практика.

– Какая еще практика?!

– Ну... сам знаешь. Ты же не бабник, не то, что Роу.

– Я вообще-то актер, – оскорбился Алекс. – Перевоплощение – моя работа.

Мия и Никки переглянулись и расхохотались: не то из-за пафоса его последней фразы, не то из-за того, что именно он сказал.

Алекс не стал уточнять. Великим соблазнителем он себя не считал, но и монахом тоже не был. У него случались отношения, короткие романы и отличные ночи без продолжения.

Работу и постель он старался не смешивать, а коллег мысленно относил к категории: «красивые, иногда очень, но за пределами площадки лучше не трогать». Это правило появилось не просто так. Несколько лет назад Алекс завел отношения с коллегой. А потом выяснил, что расставаться особенно неприятно, когда после этого еще три месяца надо сниматься вместе, ездить в промотур и изображать флирт на пресс-конференциях. В общем, одного раза ему хватило.

С Никки это правило вообще не требовало усилий. Она давно перестала быть для него «коллегой» и стала просто Никки — другом, своим человеком. С ней можно было валяться на диване до утра – и ни разу не перейти черту. Он был в курсе всех ее романов (а она – его). Она знала код от ворот его дома. Алекс мог навскидку перечислить вещи, которых обычный приятель обычно не знает: у Никки был маленький шрам над левым коленом, ее рабочим профилем был правый, и Никки терпеть не могла, когда трогают ее лицо во время поцелуя.

Он знал и другое: перед премьерой Никки начинала говорить вдвое больше и быстрее, а перед тем, как принять какое-нибудь важное решение, наоборот, замолкала; на чужую просьбу соглашалась раньше, чем успевала подумать, удобно ли ей самой; а фраза «у тебя не получится» действовала на нее безотказно. Она была готова из кожи вон вылезти, но доказать, что любое море ей по колено. Алекс не вел этим привычкам счет. Просто за семь лет все они как-то сами собой осели в памяти.

Он видел Никки в нижнем белье и без, в постели при двадцати пяти свидетелях из числа съемочной группы. Это была работа и потому почти не считалась. Но сейчас Никки подняла стакан, стерла большим пальцем каплю виски с нижней губы и продолжила спорить с Мией.

Алекс вдруг обнаружил, что слушает уже не разговор, а следит за ее пальцем. Вот это к работе отношения точно не имело.

На площадке все было просто: метки, свет, заранее оговоренные движения, а потом команда «стоп», после которой каждый снова становился собой. Но сегодня что-то изменилось. Алекс еще не понял, что именно, однако внутри засело странное беспокойство.

Никки сидела, поджав под себя ноги, и пила виски со льдом. Ее туфли потерялись где-то в прихожей, а пиджак она сняла еще в машине. Теперь на ней осталась только короткая черная юбка и шелковый топ в тон; его лямка то и дело сползала с плеча, и Никки каждый раз машинально возвращала ее на место.

Никки была маленькой блондинкой с темными глазами, высокими скулами и очень женственной фигурой. Камера делала ее почти безупречной красавицей; в жизни она нравилась Алексу больше. Ее волосы выбивались из любой укладки, улыбка появлялась мгновенно, смех был громким, а сама Никки редко выдерживала в одной позе дольше пары минут.

– В общем, – продолжила Мия, – я хочу сказать, что Дэниел Роу знал, чего хотят женщины.

Никки наклонила голову, прислушиваясь к тому, что говорит Мия.

– Ну? – поторопила его Мия. – Ты вообще возражать собираешься?

– Я даже не понял, что ты мне предъявляешь.

– Я просто говорю, что у тебя недостаточно опыта для роли бабника.

Алекс хотел возразить, но вдруг понял: она к чему-то клонит. И, кажется... Да нет, не может быть.

– Ну и какие будут предложения? – он сказал это раньше, чем успел пропустить слова через внутренний фильтр. Последние три порции виски явно были лишними.

– Да никаких, – Мия сразу пошла на попятный. – Просто мы обсуждали, как ты целуешься...

Алекс поднял брови.

– Вы обсуждали что?

– Она первая начала, – быстро сказала Мия.

Никки задохнулась от возмущения.

– Вранье! Это ты первая!

Никки бросила в нее подушку. Попала в Алекса.

– Да пофиг кто начал, честно, – сказал он. – Просто... ну и что вы решили?

Никки открыла рот, но Алекс поднял ладонь.

– Да ничего мы... – начала Никки. Но Алекс перебил.

– Нет уж. Теперь мне уже интересно. Я требую заключения.

Никки улыбнулась той самой улыбкой, которая обычно появлялась у нее за секунду до какой-нибудь особенно неприятной реплики.

– Мы ведь с тобой сто раз целовались. Вот в прошлом году, например...

– Спасибо, это я пока помню. И?

– Ну... По сюжету мне и не должно было понравиться.

Мия согнулась пополам от смеха. Алекс оторопело посмотрел на Никки. Остроумный ответ не придумывался.

Алекс вспомнил тот съемочный день, про который упомянула Никки. Они тогда снимали дурацкую романтическую комедию, где он играл бывшего мужа ее героини. Целоваться нужно было у лифта — коротко и неловко, чтобы зритель сразу понял: этим двоим точно больше ничего не светит.

После шестого дубля Никки сказала режиссеру:

– Может, хватит? Видно же, что у этих двух ничего не получится.

Тогда Алекс посмеялся вместе со всеми. Сейчас почему-то было не смешно.

Мия вытерла выступившие от смеха слезы.
– Вот поэтому я и говорю: нужна практика.
– Да какая еще практика?!

– Практическая, – отрезала Мия. – Через полгода тебе надо будет изображать человека, который соблазнял женщин одним движением брови.
– Мы же твои друзья, – добавила Никки.
– И мы хотим помочь, – отозвалась Мия.

Алекс моргнул. Вот этого он не ожидал. Алекс перевел взгляд с Мии на Никки. Обе невинно улыбались. Как-то даже слишком невинно.
– Какие вы самоотверженные, – медленно сказал Алекс. – Прямо обе хотите помочь?
Никки посмотрела на Мию.
– Меня не впутывайте.
– Поздно, – отмахнулась от нее Мия. – Ты уже высказалась.

Алекс посмотрел сначала на Мию, потом на Никки и почему-то задержался на ней чуть дольше. Никки встретила его взгляд и почти сразу отвела глаза.
– Так, – сказал Алекс. – Пойду-ка я сделаю вам кофе.
Никки потянулась за своей сумкой.
– Мне, кажется, пора домой.
– Да брось, – Мия немедленно вскочила. – Ты никуда не едешь.
– Мия...
– А вот мне нужно убежать. Только что написал Джейк. Он рядом и может меня забрать. Джейк был парнем Мии. И, кстати, сыном Дэниела Роу. Да-да, того самого.
Никки уставилась на Мию.
– Ты реально сваливаешь?
– Да.
– Ах ты...
– Спасибо, – перебила ее Мия с ухмылкой.

Мия поцеловала Никки в макушку, потом подошла к Алексу и чмокнула его в щеку.
– Поздравляю с ролью.

Через полминуты хлопнула входная дверь. В доме сразу стало слишком тихо. Алекс посмотрел на Никки. Никки — на дверь.
– Извини ее, – сказала она. – Что-то ее переклинило, похоже.
– Да все норм.
– Ты ведь понимаешь, что я не собиралась... ? – уточнила Никки.
– Ник, не оправдывайся. Хочешь, вызову такси?
– Давай.

Алекс уже открыл приложение, когда Никки остановила его:
– Хотя погоди. Мне теперь интересно, насколько ты все-таки плох.
Алекс медленно опустил телефон. Его сердце замерло, а потом забилось чаще.
– И как ты хочешь проверить? – он вдруг не узнал свой голос.
Никки перестала улыбаться и посмотрела ему прямо в глаза.
– Поцелуй меня.

Все еще можно было обратить все в шутку. Но черт знает почему Алекс только усмехнулся.
– Иди сюда.
Никки даже не шевельнулась.
– Сам иди. Это же ты у нас экзамен сдаешь.

И снова – надо было отшутиться. Вместо этого Алекс поднялся. До ее дивана было всего несколько шагов. Никки следила за ним с видом экзаменатора, которому наконец принесли работу на проверку.

– Значит, экзамен, – его голос неожиданно прозвучал хрипло.

– Угу, – сказала Никки. Она больше не улыбалась.

Алекс наклонился. По старой привычке повернул голову так, чтобы не закрыть камере лицо Никки. Но камеры не было. Никки поняла это одновременно с ним: поцелуй сбился, и оба рассмеялись.

На съемках после команды «стоп» Никки всегда первой отодвигалась. Сейчас она не отстранилась. Осталась совсем близко и посмотрела на него с таким веселым вызовом, что Алекс тоже не удержался от улыбки.

– Вот видишь. Опять плохо.

– Помолчи, а?

Во второй раз он уже не пытался все сделать «правильно». Никки повернула голову так, как было удобно ей, а не оператору, и эта мелочь почему-то сбила Алекса сильнее первого смеха. Он машинально потянулся к ее щеке, вовремя вспомнил, что Никки этого не любит, и перенес ладонь на затылок. Она коротко усмехнулась: заметила.

Ее ладонь легла Алексу на грудь, пальцы смяли рубашку. От Никки пахло виски, и на губах у нее тоже оставался вкус виски. Алекс обнял ее за талию, и она придвинулась ближе.

Это было... странно. В его объятиях все еще была Никки, – его подруга и коллега Никки, которую он целовал раз сто, – но что-то изменилось. Кажется, никогда раньше она не была такой мягкой и податливой, не льнула к нему всем телом и не дышала так быстро в щеку. И его сердце раньше никогда не билось так быстро просто от того, что она была рядом.

Он отстранился первым, пытаясь перевести дыхание и одновременно сделать вид, что ничего особенного не произошло.

Никки открыла глаза не сразу.

– Ну? – спросил Алекс.

– Уже лучше.

Никки опустила взгляд на его ладонь, все еще лежавшую у нее на талии.

– Все, руку можно убрать.

Алекс послушался. Никки поправила топ и посмотрела на него с довольным видом.

– Все, – сказала она. – Ты сдал.

– На какую оценку?

– Ни на какую. Это был зачет.

– А раньше ты говорила – экзамен.

– Ну... теперь я верю, что с ролью ты справишься.

– Ого! Да это комплимент.

Он потянулся к ней снова, но Никки положила руку ему на губы.

– Алекс, я серьезно. Это был просто эксперимент. Больше не повторяем.

В голове у Алекса прояснилось. Никки была совершенно права. Не хватало только испортить дружбу. Не-нет-нет. Это ему совершенно не хотелось.

Он убрал со лба непослушную прядь.

– Ты права. Я вызову такси.

Никки надела пиджак и взяла сумку. Одну ее туфлю Алекс вытащил из-под кресла, вторую обнаружил в прихожей.

– Приедет через четыре минуты, – сказал он.

– Отлично.

Никки поправила волосы.

– И никому. Понял?

– Да ну тебя, Ник, мы оба взрослые люди. Мы просто поцеловались.

Она кивнула.

– И еще... Не вздумай теперь решить, будто я...

Она запнулась, подбирая слова. Алекс решил не мучить ни ее, ни себя.

– Не переживай. Я с коллегами не сплю.

Никки моргнула. Потом посмотрела на него так, что Алекс совершенно не понял, чего в этом взгляде больше — удивления, раздражения или насмешки.

– А я предлагала?

Он захлопнул рот и покачал головой. Никки кивнула.

– Спокойной ночи, Алекс.

– Спокойной ночи, Никки.

Дверь за ней закрылась.

Алекс вернулся в гостиную. На столе остались пустые бокалы и открытая бутылка, на диване — маленькая круглая серьга Никки. Он поднял ее и покрутил в пальцах.

И только тогда заметил, что в комнате все еще пахнет ее духами.

И что у него стоит.

– Прекрасно, – сказал он.

Похоже, роль Дэниела Роу и правда потребует практики.

Глава 2. Ничего не было

1

В половине шестого утра даже очень красивые люди выглядят так, будто их разбудили по ошибке. Никки Хейз исключением не была, и Алекс почему-то этому обрадовался.

Он сидел в кресле гримерного трейлера, запрокинув голову, пока Лора замазывала ему синеву под глазами после трех часов сна, и через зеркало следил за дверью.

Вокруг зеркал горели безжалостные лампы, на стойке теснились кисти, спонжи, баночки и бумажные стаканы. Пахло кофе, пудрой и лаком для волос. За тонкой стенкой урчал генератор, по асфальту кто-то прокатил металлическую стойку. Съёмочный день еще толком не начался, а половина группы уже работала.

Никки вошла в огромных темных очках, серых спортивных штанах и растянутом свитере. В одной руке был кофе, в другой – сегодняшние страницы сценария, уже исписанные карандашом.

– Доброе утро, – сказал Алекс. – Я тебя не узнал.

Никки остановилась и медленно повернула голову.

– Пошел нахрен.

– Вот теперь узнал.

Она добралась до своего кресла и села с таким видом, будто от нее на сегодня уже потребовали слишком многого. Лора засмеялась.

– Тяжелая ночь?

– Очень, – сказала Никки.

– Между прочим, праздновали его новую роль, – добавила она, указав стаканом на Алекса. – До двух.

– До трех.

– Вот видишь. Я даже конец не помню.

Алекс повернул голову. Лора тут же взяла его за подбородок.

– Не вертись.

Никки сняла очки. Светлые волосы были кое-как собраны на макушке, глаза без туши казались непривычно сонными, на левой щеке отпечаталась тонкая красная полоска от

подушки. До Никки с афиш оставалось минут сорок Лориной работы и, судя по всему, еще столько же чашек кофе.

Алекс задержался взглядом на полоске. Никки заметила.

– Что?

– Ничего.

– У меня что-то на лице?

– Лицо.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Она отвернулась к зеркалу.

Вот это уже было знакомо. Семь лет они именно так и разговаривали: цеплялись друг к другу, отнимали еду, спорили из-за ерунды и ходили друг к другу в гости как к себе домой. А вчера зачем-то еще и поцеловались. Потом Никки уехала домой. Ничего особенного. Поцелуй и поцелуй.

Алекс почти о нем не думал. Разве что, когда только проснулся. Потом, пока чистил зубы. Еще раз в машине на красном светофоре. А потом еще и еще.

Но сейчас они снова были на работе. Работа в этом смысле была удобной вещью: здесь все происходило по расписанию и заканчивалось по команде.

В трейлер вошел второй режиссер с планшетом.

– Сегодня начинаем с тридцать второй. Потом сразу сорок семь и сорок восемь, если до обеда успеем. После обеда натура.

Никки застонала и, не поднимая головы, спросила:

– Напомни, что в тридцать второй?

– Спальня.

Алекс как раз пил кофе и закашлялся. Лора едва успела отдернуть кисть.

– Господи, Алекс!

– Не в то горло пошло.

Никки медленно повернулась к нему. Сонный вид исчез; в глазах появился знакомый блеск, который обычно не сулил Алексу ничего хорошего.

– Спальня? – переспросила она совершенно невинно. – А что там?

Второй режиссер посмотрел в планшет.

– Вы просыпаетесь после первой совместной ночи. Немного болтаете, потом целуетесь. Рэйчел уже на площадке, сначала пройдете с ней сцену.

– Ладно, – сказала Никки.

Дверь закрылась. Несколько секунд в трейлере было тихо.

– Даже не начинай, – сказала Никки.

– Я ничего не сказал.

Лора переводила взгляд с одного на другую.

– Что я пропустила?

– Ничего, – ответили они одновременно.

Никки первой отвела глаза.

2

Кровать стояла посреди декорации квартиры их персонажей. У квартиры не было потолка, половины стен и нормального водопровода, зато была дизайнерская кухня стоимостью примерно с небольшой настоящий дом и спальня, в которой вокруг кровати свободно помещались камера, звуков, свет и человек десять съемочной группы.

Рэйчел Морган, координатор интимных сцен, ждала их с планшетом в руках. Она работала с ними с начала сериала и умела превращать все неловкое и двусмысленное в обычную рабочую задачу.

Еще несколько лет назад перед постельной сценой режиссер вполне мог сказать: «Вы взрослые люди, сами разберетесь». Алекс успел поработать и так. Нынешний порядок нравился ему гораздо больше: заранее обсуждалось, кто куда кладет руку, что видно камере, чего нельзя делать без нового согласования. Чем точнее правила, тем меньше сюрпризов.

Сегодня эта система казалась особенно полезной.

– Доброе утро, – сказала Рэйчел.

– Не такое уж доброе, – отозвалась Никки.

Рэйчел посмотрела в планшет.

– Итак, начнем. У вас утро после секса, самого секса в кадре нет. Алекс в футболке и белье, Никки в майке и защитном белье, сверху одеяло. Между бедрами ставим барьер. Разрешенные прикосновения: талия, плечи, грудная клетка поверх одежды. В конце короткий поцелуй.

– Звучит горячо, – сказала Никки.

– Я уже на слове «барьер» завелся, – поддержал Алекс.

Рэйчел подняла глаза.

– Очень рада. Теперь серьезно.

Они послушно замолчали.

– Все, о чем договоримся сейчас, повторяем во всех дублях. Ничего не добавляем по ходу дела, даже если кому-то покажется, что так красивее. Если становится некомфортно, говорите сразу. Никки?

– Поняла.

– Алекс?

– Понял.

– Что-то нужно учесть?

– Лицо не трогаем, – сказала Никки.

– Лицо не трогаем, – почти одновременно сказал Алекс.

Рэйчел посмотрела на него, потом на Никки.

– То есть вы это уже обсуждали.

– Давно, – сказала Никки.

На их первом фильме она однажды после репетиции совершенно спокойно попросила Алекса больше не держать ее за щеки во время поцелуя. Он тогда удивился, потом что до этого вообще не замечал собственного жеста. Но с тех пор ни разу об этом не забыл.

Рэйчел сделала отметку.

– Хорошо. Лицо исключаем. Алекс, ладонь на талию можно?

Он посмотрел на Никки. Она кивнула.

– Можно.

– На бедро?

– Снаружи, – сказала Никки. – С внутренней стороны не надо.

– Принято. Никки, руки ему на грудь и плечи?

– Можно.

– Под футболку?

Алекс уже открыл рот и вовремя закрыл. Никки покосилась на него.

– Можно, – сказала она сама.

Рэйчел ничего не прокомментировала.

– Поцелуй без языка?

– Да, – сказал Алекс.

– Да, – повторила Никки.

– Тогда в кровать.

Рэйчел уложила их, поправила одеяло и поставила между ними мягкую защитную подушку.

– Бедра чуть дальше. Алекс, еще сантиметров пять. Хорошо. Никки, ты просыпаешься первой, смотришь на него три секунды. Он открывает глаза. Дальше текст. После «Спроси еще раз, когда выпьем кофе» кладешь руку ему на грудь. Алекс вслух спрашивает разрешение на поцелуй.

– Прямо спрашиваю?

– На репетиции – да. В кадре этого не будет.

– Понял.

– Начали.

Никки положила ладонь ему на грудь.

– Так?

– Да. Алекс, рука на талию.

Он положил ладонь ей на бок. Движение было привычным, только сегодня Алекс вдруг вспомнил вчерашний вечер. И завис.

– Теперь спроси, – напонила Рэйчел.

Алекс посмотрел Никки в глаза.

– Можно тебя поцеловать?

Вопрос прозвучал совсем не так нейтрально, как полагалось на технической репетиции. Никки это тоже услышала. На секунду у нее изменилось лицо.

Вчера она сказала ему: «Поцелуй меня». И никто не объяснял, куда положить руки и сколько должен длиться поцелуй. Сегодня между ними лежала подушка, а за фанерной стеной кто-то громко искал удлинитель.

– Можно, – сказала Никки.

Алекс наклонился и коротко коснулся ее губ.

– Разошлись.

Они отодвинулись.

– Отлично. Еще раз с самого начала...

3

Когда на площадку позвали группу, спальня окончательно перестала быть хоть сколько-нибудь интимным местом. Постельные сцены вообще странно устроены: в кадре должны остаться двое, а в двух шагах от кровати стоят оператор, режиссер, координатор интимных сцен, звукорежиссер, скрипт-супервайзер и еще несколько человек, каждому из которых есть дело до положения твоей руки.

Режиссер посмотрел в монитор.

– Все просто. Вы впервые переспали. Оба понимаете, что это была плохая идея, но пока слишком довольны, чтобы жалеть.

Никки кашлянула. Алекс уставился в потолок. Рэйчел возле монитора быстро посмотрела на них обоих и тут же отвела глаза.

– Что? – спросил режиссер.

– Ничего, – сказала Никки.

– Хорошо. Никки, ты уже проснулась. Смотришь на него и сама не очень веришь, что вчера это сделала. Потом он просыпается. Дальше текст. Поцелуй короткий. Вы еще не знаете, что теперь с этим делать.

Алекс тихо выдохнул.

– По местам, – скомандовал режиссер. – Тишина на площадке!

Хлопушка.

После команды «Начали» все лишнее обычно исчезало. За это Алекс и любил съемки: пока камера работала, не нужно было думать ни о звонках, ни о вчерашнем вечере, ни о том, что будет после смены. Существовали только партнер, текст и следующая реплика.

Никки лежала рядом и смотрела на него. Алекс держал глаза закрытыми.

Три секунды.

Он знал, что увидит, когда откроет глаза. Они только что прошли сцену по точкам. Вот только первым в голову пришел не сценарий.

Алекс открыл глаза. Никки была совсем близко. Так близко он видел ее сотни раз, но опять вспомнился чертов вчерашний диван и то, как она перестала смеяться перед вторым поцелуем.

– Доброе утро, – сказала Никки по тексту.

Алекс опоздал с ответом на долю секунды.

– Доброе.

Если кто-то и заметил паузу, то ничего не сказал.

Дальше – знакомые реплики, заранее поставленные движения. Алекс положил ладонь Никки на талию, она придвинулась ровно до защитного барьера.

– Жалеешь? – спросила ее героиня.

– Пока нет.

– А потом жалеть будешь?

– Спроси, когда выпьем кофе.

Никки положила ладонь ему на грудь.

Пауза.

Алекс наклонился и поцеловал ее коротко, ровно так, как они договорились.

– Стоп!

Он сразу убрал руку. Никки перевернулась на спину.

– Хорошо, – сказал режиссер. – Будет еще один дубль.

Второй дубль вышел хорошо. Третий – еще лучше. К четвертому Алекс почти перестал помнить, что сегодня с этой сценой вообще были какие-то сложности.

– Давайте перед поцелуем он проведет рукой по ее щеке, – предложил режиссер.

– Лицо трогать нельзя, – сказал Алекс.

Режиссер посмотрел на Рэйчел. Она отрицательно покачала головой. Режиссер подавил вздох.

– Тогда ничего не меняем. Только сам поцелуй можно чуть нежнее.

Рэйчел повернулась к ним.

– Согласны?

– Да, – сказала Никки.

– Да.

Начали снова.

Никки сразу положила ладонь ему на грудь. И не убирала, пока ждали хлопнушку.

Пятый дубль. Все прошло точно так же: взгляд, текст, рука на талии. Но поцелуй получился дольше. На полсекунды, не больше. Это вполне могло означать режиссерское «чуть нежнее».

– Стоп! Снято.

Никки отодвинулась. Рэйчел сразу подошла к кровати.

– Все нормально?

– Да, – ответила Никки.

– Алекс?

– Да.

– Отлично.

Второй режиссер уже звал актеров на перегрим. Вокруг задвигались люди, кровать снова стала реквизитом, кто-то унес чашки персонажей, осветители полезли менять приборы.

Никки села, накинула халат и посмотрела на Алекса.

– Ну?

– Что?

– Пятый дубль был ничего.

Она встала и ушла в гримерку. Алекс секунду смотрел ей вслед. Уточнять, что именно она имела в виду, он не стал.

4

В девять двадцать три Мия прислала сообщение: «Ну?»

Алекс его проигнорировал.

Через минуту пришло еще одно. «НУ????»

Он перевернул телефон экраном вниз.

Еще через полминуты: «У вас было ТРИ ЧАСА».

Алекс все-таки ответил: «Ничего не было».

Три точки появились мгновенно. «Совсем?»

«Совсем».

Пауза.

«Долбоклюй».

Алекс усмехнулся.

– Что там? - Никки подошла так тихо, что Алекс вздрогнул. И тут же перевернул телефон экраном вниз.

– Ничего.

– А чего так улыбаешься загадочно?

– Мне Мия пишет.

Никки вытянула шею.

– И что пишет?

Алекс убрал телефон подальше.

– Ничего интересного.

– Значит, обо мне.

– Ну почему сразу о тебе?

– Потому что, если бы она писала о работе, ты бы показал.

– Ничего подобного.

– Дай сюда, - она протянула руку.

– Нет.

– Алекс.

– Никки.

Она прищурилась и снова потянулась за телефоном. Алекс поднял руку выше.

– Не беси меня.

– Я еще даже не начинал.

Никки подпрыгнула, но не достала. Разница в росте, на которую она обычно жаловалась, впервые за долгое время оказалась Алексу полезна.

– Это частная переписка.

– Вы там меня обсуждаете.

– Я сказала, давай телефон, быстро!

Она снова потянулась, одной рукой ухватила за его плечо. Алекс рассмеялся и отступил на шаг. Никки не отпустила, телефон оставался над ее головой.

Рядом кто-то прыснул. Потом щелкнул затвор. Они оба замерли. Фотограф площадки опустил камеру.

– Отлично смотрите.

Только теперь Алекс осознал, как именно они стоят. Никки почти висела на нем, обхватив за шею. Его свободная рука сама оказалась у нее на талии, иначе Никки бы просто потеряла равновесие. Они отцепились друг от друга одновременно. И слишком быстро.

– Удали, – сказал Алекс фотографу.

– Да ладно, это для бэкстейджа.

– Удали, – повторила Никки.

Фотограф посмотрел на них, пожал плечами и нажал несколько кнопок.

– Все.

Он ушел. Никки посмотрела на Алекса.

– Видишь? – сказал он. – Вот поэтому я не сплю с коллегами.

Она открыла рот, потом передумала.

– Обязательно сообщи об этом Мие.

И ушла. Алекс проводил ее взглядом, достал телефон и написал: «Мы поцеловались. Все».

Ответ пришел через секунду: «АААААААААААААА! Я ТАК И ЗНАЛА! И КАК?????»

Он подумал и написал: «Нормально».

Телефон зазвонил. Алекс сбросил.

Мия позвонила еще раз.

Он снова сбросил.

«"НОРМАЛЬНО"??? Я ТЕБЯ УБЬЮ!» И почти сразу: «ЕЩЕ БУДЕТЕ?»

Алекс посмотрел через павильон. Никки сидела возле монитора и о чем-то разговаривала с режиссером, поджав под себя одну ногу. Через несколько секунд она будто почувствовала его взгляд, обернулась.

Всего на секунду.

Потом снова повернулась к режиссеру.

Алекс написал: «Нет».

Мия ответила сразу: «Почему???»

Он набрал: «Я не сплю с коллегами», но не отправил.

Причина у этого правила была вполне конкретная. Несколько лет назад Алекс уже заводил роман на съемках. Когда они расстались, никто, разумеется, не перенес из-за этого ни одного съемочного дня. Утром они руг друга видеть не могли, а через час должны были изображать влюбленных. Потом был промотур: соседние кресла, вопросы про «невероятную химию», просьбы фотографов посмотреть друг на друга.

Самым мерзким оказалась даже не необходимость играть. Играть Алекс умел. Хуже было то, что вокруг десятки людей прекрасно понимали, что произошло, но из вежливости делали вид, будто понятия ни о чем не имеют.

Вот после этого он и решил: с коллегами не спать.

– Алекс! – позвал режиссер. – Готов?

Он убрал телефон.

– Всегда готов.

Никки уже стояла на метке.

– Камера!

Они одновременно повернулись к объективу. Никки улыбнулась ему уже не своей улыбкой, а улыбкой героини.

Алекс ответил.

– Начали!

Следующие две минуты можно было ничего не решать: всё уже было написано в сценарии. Так Алекс и сделал.

Глава 3. Ключ

1

Когда Алекс наконец добрался домой, уже светало. Ключ дважды прошел мимо замочной скважины. На третий раз он попал, куда надо, но только потому, что Алекс прижал ладонь к двери и сосредоточился так, будто от этого зависел следующий дубль.

Последняя текила была лишней. Предпоследняя, если уж совсем честно, тоже.

Алекс прислонился лбом к двери и на несколько секунд закрыл глаза. В голове все еще вспыхивали воспоминания о вечере: свет камеры, улыбающаяся журналистка, Джош Рамирес с очередной стопкой и собственный голос, уверенно сообщающий интернету то, без чего интернет прекрасно мог бы и обойтись.

За годы работы Алекс выучил несколько правил. Не читать комментарии под собственными интервью. Не отвечать журналисту, если вопрос начинается со слов «чисто между нами». Не давать интервью после шестой порции алкоголя.

Последнее он сегодня явно нарушил.

Вечеринка вообще не предполагала прессы. Небольшой закрытый сбор после премьеры фильма, в котором снимался его приятель. Алекс собирался заглянуть на час, поздравить, выпить один бокальчик чего-нибудь алкогольного и уехать.

Потом возле бара материализовался Джош Рамирес – двухметровый каскадер, отец четверых детей и давний приятель Алекса. Он был из тех, кто воспринимает слово «один бокальчик» как личное оскорбление.

– За Роу, – сказал он и поставил перед Алексом стопку.

– За Роу уже пили.

– Тогда за тебя.

– За меня тоже.

– За то, чтобы тебя не уволили до начала съемок.

– Вот это уже аргумент.

Они выпили. Именно после этого к дивану подошла девушка с микрофоном оператором.

– Алекс, можно пару вопросов?

Он посмотрел на нее, потом на диван под собой.

– Если мне не придется вставать.

– Договорились.

Джош одобрительно хлопнул его по плечу.

– Настоящая звезда.

– Иди нахрен.

– Это не вырезайте, – попросил Джош оператора.

Сначала все было нормально. Что Алекс чувствует после того, как его утвердили? Радость, ужас, желание срочно научиться петь. Началась ли подготовка? Уже давно. Будет ли он исполнять песни сам? Очень надеется, иначе полгода занятий вокалом окажутся просто дорогим способом бесить соседей.

Потом рядом возник Лиам Кент – тот самый приятель, игравший в фильме роль второго плана:

– Что снимаем?

– Мое профессиональное самоубийство, – ответил Алекс.

– О, тогда я точно останусь.

Через минуту вокруг уже собралась половина компании. Актеры вообще удивительно быстро чувствуют включенную камеру и слетаются на нее, как бабочки на огонек.

Журналистка дождалась, пока все перестанут перебивать друг друга, и спросила:

– Раз уж речь зашла о Дэниеле Роу... Какая женщина, по-твоему, секс-символ Голливуда, Алекс?

Трезвый Алекс знал правильный ответ на такие вопросы. Даже несколько: пошутить, назвать недосыгаемую легенду или загадочно улыбнуться и сказать «без комментариев».

Пьяный Алекс вместо этого задумался.

– О господи, – сказал он.

Джош мгновенно оживился.

– Отличный вопрос.

– Тебя не спрашивают.

– Я могу помочь.

– Именно поэтому и не спрашивают.

Журналистка все еще держала микрофон перед носом Алекса.

– Неужели такой нет?

Алекс откинулся на спинку дивана.

Моника Беллуччи? Слишком очевидно. Бейонсе? Безопасно, но скучно. Он открыл рот.

– Никки Хейз.

Джош подавился текилой. Лиам протянул:

– О-о-о.

Кто-то за камерой рассмеялся. Журналистка моргнула.

– Правда?

Вот здесь надо было остановиться.

– А что такого? – вместо этого сказал Алекс.

– Ничего, – поспешно ответила журналистка. – Просто вы же вроде...

– Друзья?

– Ну да.

– И? Я же не слепой!

Джош уже откровенно ржал. Лиам положил Алексу руку на плечо.

– Ох, Алекс, Алекс!

– Вы можете исчезнуть?

– Даже не надейся, – сказал Джош.

Журналистка чуть подалась вперед вместе с микрофоном.

– То есть Никки Хейз – секс-символ в Голливуде?

Алекс опять задумался.

Почему-то вспомнилась не Никки с красной дорожки и не какая-нибудь рекламная кампания в белье. Серый свитер утром. Полоска от подушки на щеке. Ее ладонь у него на груди. Пятый дубль. А потом – плечо Никки, с которого то и дело спадала лямка топика и то, как она перестала смеяться перед вторым поцелуем.

– Один из, – сказал он осторожнее.

– А что будет, если твой подруга Никки это увидит?

Он посмотрел прямо в камеру.

– Тогда мне конец.

Джош поднял стопку:

– Вот теперь снято.

2

Видео появилось в сети еще до того, как Алекс уехал с вечеринки.

Он понял это по телефону, который начал вибрировать примерно каждые десять секунд.

Сначала написал Анри: «Позвони».

Потом Мия: «АХАХАХАХАХА».

Следом от нее же: «ТЫ ДОЛБОКЛЮЙ».

Джош, сидевший в двух метрах, прислал: «НИККИ ХЕЙЗ????»

Алекс показал ему средний палец.

Никки не написала ничего. Вот это уже было неприятно. Он проверил сообщения еще раз. Потом еще...

В четыре утра нормальные люди, конечно, спят. Никки, вероятно, тоже. Но Алекс почему-то начал придумывать сообщение: «Прости, я был пьян».

Он сразу стер. Получалось, будто трезвым он считает ее уродиной.

«Не обращай внимания».

Еще хуже.

«Ты действительно секси, просто я не собирался сообщать об этом всему интернету».

Ужас, просто ужас.

Он так и смотрел на набранную фразу, когда водитель остановился возле дома. Алекс вышел из машины, поблагодарил его и снова проверил телефон. Тишина.

– Прекрасно, – сказал он вслух.

Телефон тут же завибрировал.

Мия: «Она тебя уже убила?»

Алекс сунул его в карман.

У двери ключ снова не захотел попадать в замок. На четвертой попытке Алекс наконец справился, повернул его и удивленно застыл: дверь открылась слишком легко.

В доме горел свет. Он совершенно точно его выключал. Алекс открыл дверь шире.

– Кто здесь?

Тишина.

Будь Алекс трезвее, он бы как минимум насторожился. Может, закрыл бы дверь и вызвал полицию. Но сейчас он сначала подумал, что приехал его сводный брат Маркус, а потом – что у него дома, наверное, домработница, почему-то решившая внезапно начать смену в пять утра.

– Маркус?

– Нет.

Голос донесся из кухни. Алекс едва не подпрыгнул. Он прошел дальше и застыл на пороге кухни.

– Никки?!

– Доброе утро.

Она сидела на кухонной столешнице, закинув ногу на ногу, и пила что-то из его стакана. На Никки было короткое голубое платье с пышной юбкой, белая блузка, белые чулки и туфли с ремешками. Светлые волосы заплетены в две косы. Рядом на столешнице стояла маленькая плетеная корзинка.

Алекс посмотрел на корзинку. Потом на Никки. Потом снова на корзинку.

– Господи. Ты откуда такая?!

Никки опустила взгляд на свою юбку, словно впервые ее увидела.

– С вечеринки.

– Какой? Эротической?

– Костюмированной.

Она прищурилась.

– Ты что, не понял, кто я?

Голубое платье. Косы. Корзинка.

Алекс сосредоточился.

– Алиса в стране чудес?

Никки взяла из вазы с фруктами апельсин и взвесила его на руке.

– Даю еще попытку.

– Белоснежка?

Апельсин полетел ему в голову. Алекс пригнулся, так что

– Ты чего?!

– Дороти! «Волшебник страны Оз»! Ты не читал, что ли?!

– Читал, конечно!

– Сомневаюсь.

– Просто не ожидал встретить ее у себя на кухне в пять утра.

Никки посмотрела на телефон.

– Сейчас четыре сорок семь.

– А, ну это, конечно, другое дело.

Она отпила из стакана. Алекс снял куртку и только после этого понял, что костюм Дороти в пять утра – вообще не главный вопрос.

– Подожди, Ник. Как ты вошла?

Никки посмотрела на него с искренним удивлением.

– Ты же сам дал мне ключ.

– Когда?

– В прошлом году. Перед Лондоном. Чтобы я кормила кота!

Память постепенно вернулась. Лондон. Три недели съемок. Маркус должен был присматривать за Сайларом, его черным и невероятно вредным котом, но потом внезапно уехал. Никки вызвалась помочь, потому что жила в десяти минутах. И Алекс дал ей ключ.

Вообще-то Никки и без ключа знала код от ворот, пароль от вайфая, и место, где лежит корм Сайлара. Ничего нового ключ ей не открывал.

До этой ночи.

– Что ты здесь делаешь, Ник?

– Пришла вернуть ключ.

– В четыре сорок семь?

– Я просто была рядом.

– В костюме Дороти?

– Так вышло.

Он протянул руку.

– Давай.

– Что?

– Ключ.

– А!

Никки взяла корзинку и начала в ней рыться. Достала телефон, помаду, маленький кошелек, какую-то ленту, потом очень серьезно что-то нащупала и положила ему в ладонь.

Мягкое. Кружевное. Алекс опустил глаза. Белые трусики. Он поднял взгляд.

– Никки.

– Что?

– Это не ключ.

Она посмотрела на его ладонь с таким неподдельным удивлением, что Алекс очень некстати вспомнил: актриса она превосходная.

– Да ты что?!

– Точно говорю.

– Странно.

– Никки.

– Да что ты заладил – «Никки, Никки»? Просто у тебя тут жарко.

Алекс очень медленно выдохнул. Если белье лежит у него в руке, значит... Нет. Эту мысль сейчас лучше было не заканчивать.

– Забери.

– Да ладно, оставь себе.

Лицо у Алекса было явно охреневшее, так что она рассмеялась и забрала трусики.

– Давай сюда. Какой ты скучный.

Снова полезла в корзинку, на этот раз достала связку ключей и отделила один.

– Держи.

Он сжал ключ в ладони. Никки улыбнулась и снова отпила из своего стакана. Похоже, она никуда не собиралась.

3

Алекс положил ключ на столешницу.

– Так, Ник. День был длинный, я пьян и хочу спать. Пора тебе отчаливать в страну Оз.

Она не сдвинулась с места.

– Сейчас пойду. Только сначала хочу задать тебе один вопрос... Ты же сегодня интервью давал?

Вот, значит, зачем она приехала. Он потер лицо ладонью.

– Не помню уже. Может, давай завтра обсудим?

– Ну уж нет. Так вот, интервью. Ты назвал меня секс-символом Голливуда.

– Возможно...

– Ой, да хватит уже вилить! Ты сказал это на весь интернет. Так?

Алекс вздохнул.

– Ну, сказал. Если это все вопросы...

Он недвусмысленно показал в сторону выхода.

– Остался последний. Ты правда так думаешь?

– Никки...

– Просто ответь.

Она спрыгнула со столешницы. Юбка взлетела выше, чем следовало. Алекс отвел глаза.

– Алекс.

Он снова посмотрел ей в лицо.

– Да.

– Что «да»?

– Да, я считаю, что ты секси. Поздравляю. Можешь ехать домой.

– Тогда почему ты вчера остановился? После поцелуя.

Вопрос отрезвил лучше кофе.

– Ты говорила – это был последний вопрос.

– Значит, предпоследний. Так что быстро отвечай!

Алекс замолчал.

– Потому... потому что мы работаем вместе.

Никки кивнула, как будто именно это и хотела услышать.

– Но при этом ты считаешь, что я секси.

Алекс вдруг понял, что смертельно устал. В голове шумело, и у него просто не было сил для всей этой словесной эквилибристики.

– Никки, чего ты хочешь? – спросил он.

Впервые за весь разговор она не ответила сразу. Вот это было хуже любого ответа. Она спрыгнула со столешницы и сделала шаг к нему. Потом еще один. Носок ее туфли уперся в его ботинок.

– А ты?

Алекс замер. «Никки, я хочу, чтобы ты уехала», – вот что он должен был ей сказать. Потому что это было правильно. У него был целый список причин отправить ее домой.

Они работали вместе. Дружили семь лет. Через несколько часов им снова надо было выйти на площадку – вместе. А еще Никки была человеком, которого он не хотел терять. А это непременно случится, если они перестанут быть просто друзьями.

Да, Алекс должен был ей все это сказать. Но Никки стояла перед ним в костюме Дороти, и он совершенно точно знал, что на ней сейчас нет трусиков. Почему-то это единственное, о чем он мог думать.

Так что он промолчал. Никки положила ладони ему на грудь.

– Я так и думала.

Он должен был отступить. Вместо этого положил руки ей на бедра и притянул ближе. Никки опустила взгляд на его руки.

– Вот видишь.

– Что?

– Твое тело уже проголосовало.

– У моего тела нет права голоса.

Она прижалась крепче.

– А, по-моему, есть.

С любой другой женщиной Алекс бы уже не медлил. Зачем? Они взрослые люди. Их тянет друг к другу. Обычно дальше начиналась не мораль, а логистика: проверить, кто видел, что она приехала. Уточнить, нет ли у ворот фотографа. Отрепетировать объяснения на случай, если что-нибудь всплывет.

Но это была не какая-то другая женщина. Это была Никки. Она знала код от его ворот, имя агента, расписание съемок, а также имена всех его девушек за последние семь лет. Все это время она была просто его другом.

Все это пронеслось в его голове буквально за секунду. Алекс вздохнул.

– Если мы это сделаем... - сказал он.

– Если?

Она лукаво смотрела на него снизу вверх.

– Если, Ник. Если мы это сделаем, завтра все будет как раньше.

– Разумеется.

– Никаких отношений.

– Боже упаси.

– Никакой ревности.

Никки подняла бровь.

– Ты себе льстишь.

– Никто не узнает.

– Даже Мия?

– Особенно Мия.

Никки кивнула.

– Всего разок, - сказала она.

Алекс посмотрел на нее.

– И все.

Никки медленно кивнула. Потом хитро улыбнулась.

– Договорились.

А потом она поднялась на носки и приблизила губы к его уху:

– Тогда чего мы ждем?

4

Она поцеловала его первой – без шуток и смеха. И не дав ему возможности даже сделать вид, что все происходит случайно. Алекс ответил – или, может, это алкоголь в его крови ответил? Алексу было все равно. Никки была тоненькой и совсем маленькой – на голову ниже него. Почему-то раньше он не обращал на это внимания.

Никки оторвалась от него на секунду и издала нервный смешок.

– Что?

- Ничего. Просто это ужасная идея.
- Ты еще можешь уйти.
- Еще чего!

Она посмотрела на него так возмущенно, что он поднял ее и посадил обратно на столешницу. Никки медленно развела колени и притянула его к себе.

В голове у Алекса стало пусто. Ее руки были под его футболкой, и на этот раз никто не уточнял у Рейчел пределы разрешенного.

– На тебе слишком много одежды, – пробормотала Никки.

И дернула его футболку вверх. Он вытянул руки вверх, но снять ее Никки не смогла – слишком высоко.

– Снимай! – потребовала она.

Он не стал возражать. Его руки сами собой сползли с ее талии и переместились ниже, погладили, сжали, а потом подхватили снизу и понесли к дивану. Никки обхватила его ногами и продолжала целовать всю дорогу до гостиной.

Он почти упал на кровать, и Никки тут же устроилась сверху, будто именно этого и добивалась. На пол полетело ее голубое платье. Одна туфля слетела сама. Вторая осталась.

Никки заметила ее первой и попыталась стащить. Это мешало Алексу добраться до застежки ее лифчика, так что он только гаркнул:

– Оставь!

Никки прекратила расстегивать ремешок.

– Извращенец! – в ее голосе прозвучало возмущение пополам с восхищением.

Алекс оторвал взгляд от застежки, с которой боролся.

– Вообще-то это ты пришла ко мне в образе девочки из Канзаса и без трусов.

Она толкнула его в плечо, побуждая перевернуться на спину. Чертову застежку она расстегнула сама.

Алекс замер. Он в совершенстве знал Никки как партнершу по кадру: как она поворачивает голову, когда камера слева, как держит паузу перед поцелуем, где у нее обычно оказывается рука, если сцену не проговорили подробно.

Но здесь не было камеры. Он был единственным зрителем, и это было просто офигенно. Никки двигалась не ради того, чтобы классно смотреться в кадре, а так, как хотелось ей: неловко, хаотично, резко. Когда он сжал ее предплечье слишком сильно, не задумываясь, шлепнула его свободной рукой и тут же запустила пальцы ему в волосы. Алекс терпеть не мог, когда кто-то так делал. Но сейчас он об этом даже не подумал.

Кожа у Никки была гладкой, чуть тронутая золотистым загаром, и на плечах и груди не было белых пятен от купальника. Получается, где-то она загорала голышом, его Никки.

От этой мысли его сердце забилося быстрее.

Алекс впервые понял, насколько странно знать тело человека годами и только сейчас действительно к нему прикасаться.

Они все-таки съехали с кровати на ковер. Первые минуты они то смеялись, то сбивались, то цеплялись локтями за подушки, которые упали вместе с ними. Потом смех постепенно стих.

Никки положила ладонь Алексу на затылок и притянула его к себе. И тут же зажмурилась, словно не веря до конца тому, что видит. Алекс заметил на ее боку тонкую красную полосу от резинки лифчика. Совершенно незначительная деталь, но она была только для него. Почему-то именно на ней он и завис.

- Что такое? – спросила Никки.
- Ничего.
- Врешь.
- Просто смотрю на тебя.

– И что? Я все еще секс-символ Голливуда?

Никки до последнего пыталась перевести все в шутку. Но Алекс не улыбался.

– Да, - просто сказал он.

И дальше им обоим стало не до смеха. Они наконец-то поверили, что все происходит на самом деле. И что больше никому из них не нужно притворяться, что они просто друзья.

Хотя годы их дружбы никуда не делись. Они не стеснялись ни слов, ни действий, зная, что никто не подумает про другого плохо. Никки говорила, если хотела иначе. Один раз поймала его за руку и сама передвинула. В другой момент тихо сказала «медленнее», и Алекс послушался.

И это было самым крутым: не угадывать, не опираться на прошлый опыт, а слушать именно ее.

А потом она посмотрела прямо на него широко открытыми глазами и произнесла:

– Алекс.

Его сердце словно остановилось на миг. Вокруг все исчезло: была только Никки, ее потемневшие глаза и приоткрытые словно в удивлении губы.

Когда все закончилось, он еще несколько секунд не двигался. Никки лежала рядом с ним растрепанная, раздумывавшаяся, в одном чулке и с таким довольным лицом, что Алекс невольно улыбнулся.

Она снова – уже в который раз! - потянулась его поцеловать.

– Как же давно я хотела это сделать, - сказала Никки.

Алекс замер.

– Давно?

Никки моргнула.

– Что?

– Насколько давно?

– Алекс. Не отвлекайся.

– Нет-нет, погоди. Ты меня хотела?

Никки медленно улыбнулась.

– Сейчас совершенно неподходящий момент для интервью.

И нашла очень действенный способ закрыть тему.

5

Когда способность разговаривать снова вернулась к ним обоим, Никки лежала поперек него спиной вверх и лениво водила пальцем по его груди.

– Это было... – начала она.

– Супер.

– Я хотела сказать «неплохо».

– Врешь.

– Может быть.

Она приподнялась и поцеловала его уже спокойно, без прежней жадности. Потом совершенно буднично спросила:

– У тебя есть кофе?

Алекс посмотрел на нее.

– Ты же знаешь.

– Конечно, знаю. Просто забыла. Тебе сделать?

Никки встала, нашла на полу его футболку и натянула. Никки выглядела в ней как в платье. Сам Алекс каким-то поразительным образом остался наполовину одет, и на секунду возникло ощущение, будто это он пришел к ней домой, а не наоборот.

– Что? – Никки поймала его взгляд.

– Ничего.

Она пошла на кухню. Один чулок по-прежнему оставался на ноге. Вторая туфля где-то потерялась. Алекс двинулся следом за Никки.

За окнами уже рассвело. Серый утренний свет беспощадно подсвечивал последствия ночи: бокалы в гостиной, брошенную одежду, корзинку Дороти на полу и Никки, совершенно спокойно сидящую на его столешнице в его футболке.

Алекс включил кофемашину.

– Без сахара, без молока, с корицей?

– Как всегда.

Он поставил перед ней кружку. Никки отпила и посмотрела на него поверх края.

– Значит, один разок.

– Угу.

– И дальше - все как раньше.

– Да.

Они помолчали. Сайлар пришел на кухню, посмотрел на них обоих и сел посреди прохода. Никки кивнула на кота.

– Он тебе не верит.

– Его никто не спрашивает.

Она сделала еще глоток.

– По-моему, нам нужен душ.

Алекс посмотрел на часы.

– У нас вызов через...

Никки уже достала телефон.

– Два с половиной часа.

Он тоже посмотрел.

– Отличный тайминг.

– Успеем.

– Поспать?

Никки спрыгнула со столешницы, чуть пошатнулась, и Алекс машинально поймал ее за талию.

Она посмотрела на него.

– Ты правда хочешь потратить это время на сон?

Алекс рассмеялся. Никки взяла его за руку и потянула к ванной.

Ключ от дома так и лежал на кухонной столешнице. Но теперь Алекс почему-то сомневался, что его действительно вернули.

Глава 4. Один раз

1

В семь сорок утра Алекс понял, что совершил ошибку. Не ту, о которой планировал никогда больше не вспоминать. Его ошибка была в том, что он решил: сорок минут сна ему уже ничего не дадут.

Теперь он сидел в кресле гримерного трейлера и чувствовал каждую из этих сорока минут как личную утрату. В зеркале напротив отражался человек, которому через час предстояло изображать сложную душевную жизнь, а пока хотелось только закрыть глаза и не открывать их хотя бы до обеда.

Лора провела кистью под левым глазом Алекса, отстранилась и недовольно цокнула языком. На столике перед зеркалом теснились баночки, палетки, ватные диски и два пустых стакана из-под кофе. За тонкой стенкой кто-то тащил по асфальту металлическую стойку; генератор гудел так ровно, что под этот звук вполне можно было уснуть.

– Ты что делал всю ночь?

Алекс приоткрыл один глаз.

– Пил.

– Это я вижу. Но обычно после пьянки ты помятый. А сейчас ты помятый, но довольный. Второй глаз Алекс открывать не стал.

– Я получил роль Роу.

– Ну это уже когда было!

– Вчера утром.

– Я долго радовался.

– Угу.

Она снова взялась за кисть. Алекс послушно закрыл глаза и почти успел провалиться куда-то между сном и явью, когда дверь открылась.

– Доброе утро.

Голос Никки заставил его выпрямиться и открыть-таки глаза. В зеркале появилась она сама. На Никки были огромные темные очки, спортивные штаны, свободная футболка. Ее волосы были собраны наверх, на лице – ни капли косметики. Но при этом она выглядела бодрой и отдохнувшей, как будто проспала как минимум часов десять.

Алекс медленно повернул голову. Лора тут же взяла его за подбородок и вернула обратно.

– Не двигайся.

– Как ты это сделала? – спросил он Никки.

Она остановилась. Посмотрела на себя, потом на него.

– Что я сделала?

– Я про это и спрашиваю. Выглядишь как человек, в отличие от меня.

– Да ничего я не делала! Ну, в душ сходила.

В глазах Никки мелькнула озорная искорка, уголки ее губ поползли вверх. Алекс встретился с ней глазами в зеркале, изо всех сил пытаясь не выдать себя.

– Я тоже ходил в душ, – сказал он самым будничным тоном.

На этот раз она рассмеялась.

– Это старость, Алекс!

И совершенно спокойно прошла к своему креслу, будто два часа назад они не выходили из того самого душа вместе.

Алекс смотрел на нее через зеркало и пытался понять, как ей удастся так легко переключаться. Никки сняла очки. Под глазами все-таки обнаружились тени, волосы у висков были еще чуть влажными, а на шее, почти у ворота футболки, он заметил крошечное красное пятнышко и сразу вспомнил, откуда оно взялось.

Вот теперь ему стало легче.

– Сколько ты спала?

– Минут сорок. Ты же знаешь, я быстро восстанавливаюсь.

Их взгляды снова встретились. Лора хмыкнула. Никки немедленно отвернулась, устроилась в кресле и достала из сумки маску для сна.

– Сколько вам еще?

– Минут двадцать, – прикинула Лора.

– Шикарно.

Никки натянула маску на глаза, поджала ноги и попыталась уснуть. Минуты две лежала совершенно неподвижно, потом повернула голову, подтянула под себя одну ногу, снова выпрямилась. Еще через минуту стянула маску.

– Бесполезно, – объявила она. – Кажется, я выспалась.

И полезла в сумку за сегодняшними страницами сценария. Алекс покачал головой: она по-прежнему знала, как его выбесить.

Вскоре она уже листала разрезки, делая пометки карандашом.

Так и надо, подумал Алекс. Все должно выглядеть как обычно. Они уже тысячу раз сидели в одной гримерке: разговаривали, молчали, спорили о сценах, таскали друг у друга кофе. То, что несколько часов назад они были вместе в душе, этого не отменяло.

В конце концов, оба – актеры. Вернуться к привычным ролям несложно: Алекс и Никки, друзья и коллеги. Эти роли они играли семь лет подряд без единой репетиции.

– На третьей странице ты опять от меня уходишь, – сообщила Никки, не поднимая глаз.

– Ты сама меня выгоняешь, – уточнил Алекс. В отличие от Никки, он уже прочитал сегоднешний текст.

– После того, что ты натворил, имею право.

Кисть Лоры на секунду замерла в воздухе.

– Мы про сценарий, – пояснил для нее Алекс.

– А я ничего и не спрашивала.

Никки перевернула страницу и вдруг нахмурилась, глядя на его руку.

– У тебя моя резинка.

– Чего?!

– Резинка. Для волос.

Она показала карандашом на его запястье. Там действительно была черная резинка. Алекс уставился на нее. Когда и зачем Никки надела ее ему на руку, он понятия не имел.

– Держи.

Алекс снял резинку и протянул ей. Лора перестала работать и посмотрела сначала на его руку, потом на Никки:

– Я что-то пропустила?

– Ничего, – ответил Алекс. Как-то слишком быстро и уверенно ответил, отметил он уже после. Явно плюсанул.

Лора еще раз посмотрела на резинку.

– Ну ладно.

И снова взялась за кисть.

Никки углубилась в сценарий. Выражение ее лица было преувеличенно усердным. Кажется, Никки тоже слегка переигрывала.

2

Утром снимали большую ссору. Герои Алекса и Никки восемь серий то сходились, то расходились, а теперь наконец добрались до разговора, в котором нужно было высказать всё накопившееся. У нее было почти три страницы текста, у него две, а в конце режиссер предложил Никки дать Алексу пощечину.

Никки это обрадовало явно больше, чем того требовал сценарий.

Гостиная была залита ровным искусственным солнцем. Через окно декорации бил огромный световой прибор, перед ним стояла рама с рассеивающей тканью, и через несколько метров от камеры совершенно обычный павильон выглядел уютной дорогой квартирой. На полу цветной лентой отметили места, где актеры должны были стоять. За камерой теснилась группа. Режиссер в последний раз прошел с актерами все движения в сцене.

– Пощечина в конце. Делаем ракурсом или контактно?

– О, а можно и настоящую? – оживилась Никки.

– Не надо! – воспротивился Алекс.

– Я не тебя спрашивала, – с усмешкой обрезала она.

Режиссер засмеялся.

– Легкий контакт можно, если оба согласны. Но только увлекайтесь. Алекс, что скажешь?

Он посмотрел на Никки. Та улыбалась совершенно невинно.

– Можно и контакт. Если только и правда легкий.

– Слышала? – сказал режиссер. – Легкий.

– Я вообще-то очень нежная, - сказала Никки, ни на кого не глядя.

Неожиданно для себя Алекс вдруг почувствовал, что краснеет. Лора тут же подбежала к нему с пуховкой и пудрой.

Алекс ощутил злость на себя самого. Да что с ним такое творится?! Казалось, каждое слово Никки сегодня цеплялось за события прошлой ночи и тут же отращивало второе дно. Алекс слишком хорошо ее знал: когда она шутит, когда злится, когда врет, когда делает вид, что ей всё равно.

А теперь к этому списку добавилось слишком много сведений, которыми он еще не научился нормально распоряжаться. Например, как меняется ее голос, когда ей становится не до шуток. И как она смотрит на него в этот момент.

– Алекс?

Он поднял голову. Режиссер ждал.

– Мы готовы. А ты?

– Готов.

– Никки?

– Готова.

Камера, звук, хлопушка. После «Начали» павильон исчез, как и положено. В этом Алекс был профи: пока идет съемка, не существует ни усталости, ни личной жизни, ни сорока минут сна.

Никки тоже мгновенно стала другой. Не женщиной, которая несколько часов назад пила кофе в его футболке, а своей героиней: злой, обиженной, из последних скрывающей боль.

– Ты вообще слышишь себя? – спросила она, сверля его пристальным взглядом.

– Отлично слышу.

– И тебе даже не стыдно?!

– А за что мне должно быть стыдно?!

– За вранье. За трусость. За то, что ты вечно решаешь за других!

Алекс знал эту реплику. Сам видел ее вчера в сценарии, сам подчеркивал карандашом. И всё равно на долю секунды у него возникло неприятное ощущение, будто Никки говорит не заученный текст.

Пощечина остановила эту мысль. Ладонь слегка задела щеку, и Алекс повернул голову, чтобы все выглядело как по-настоящему.

– Стоп! Отлично!

Никки тут же перестала быть героиней.

– Больно? – спросила она Алекса.

– Нет.

– Правда? Покажи.

Она подошла и взяла его за подбородок, поворачивая лицо к свету. Пальцы были прохладные. Алекс посмотрел ей в глаза и снова провалился в воспоминания: Никки точно так же смотрит на него несколько часов назад, лежа рядом с ним на полу.

Никки моргнула. На секунду на лице появилась растерянность, но тут же исчезла. Как и Алекс, Никки была профи.

Рядом с ними возникла Лора.

– Краснота есть, - сказала она. - Минут пять – и пройдет. А если нет, замажем.

– Видишь? – сказала Никки как будто бы слегка виновато. – Я тебя покалечила.

– Я на тебя в суд подам.

Никки округлила глаза в притворном возмущении.

– Сначала докажи ущерб.

Они отошли к стене, освобождая место для следующей перестановки. И Алекс вдруг понял, что никакой катастрофы не случилось. Больше всего он боялся неловкости. Думал, что

делать, если они теперь разучатся нормально разговаривать, начнут избегать взглядов, станут думать, уместна ли какая-нибудь шутка на грани приличия.

Но нет, ничего подобного не случилось. Никки осталась собой. И Алекс тоже. Кажется.

Он покачал головой, стряхивая задумчивость, и поискал Никки глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.